

КНИГА ПЕРВАЯ

ВКУС ЗАПРЕТНОГО ПЛОДА

Спустя несколько дней Лилия снова огорошила мужа:

— Салават, я все знаю: была у ясновидящей, она подтвердила, что ходишь налево. Сказала: муж твой умеет деньги делать, да только с чужими бабами путается. Если не хочешь, чтоб гулял, принеси несколько его волос и три свечи. Сделаю как надо — перестанет распутничать...

С трудом взяв себя в руки, Салават процедил сквозь зубы:

— И что? Заколдовала меня твоя ведьма?

— Нет, я не согласилась.

— И как ты смогла отказаться?

— Побоялась...

— Где ты откопала эту провидицу?

— Магфура-апай отвела к ней.

— Ну ты отколола номер! Не хватило тебе узбекско-го экстрасенса? Она же сняла с тебя... э-э... черный казюк и белые тапочки...

— Спасибо ей, прошла у меня тяга к самоубийству.

— Раз так, чего ж тебе еще надо было? Никогда не слышала поговорку: к гадалке не ходи — не накличь беду?! — вознегодовал Салават, испугавшись, что ясновидящая «увидит» Зульфию.

Словно угадав его мысли, Лилия чистосердечно призналась:

— Я надеялась, она опишет мне твою любовницу. Хочу найти ее...

Салават разозлился еще сильнее:

— Сколько тебе повторять: нет у меня любовницы!

Странно, но почему-то Лилия на сей раз не заорала благим матом, не стала бить посуду:

— Брось, Салават, не пытайся обманывать: у тебя любая провинность на лбу написана, издалека видать. Давай поговорим спокойно, подумаем, как нам от напасти этой избавиться. Ладно, сняли с меня порчу. А теперь надо и с тебя приворот убирать. А то ходишь как зомби. Иначе не спасем семью от беды. Ясновидящая дала мне адрес очень сильной ворожеи по имени Назира. Завтра же вместе пойдем к ней и снимем приворот.

— Никто меня не привораживал! Нет у меня любовницы! И к ведьмам твоим чертовым я не пойду! — твердо стоял на своем Салават.

На следующий день, спозаранку, он поехал в Уфу за товаром. Когда загрузился и собрался домой, позвонила Лилия и оглушила новостью:

— Только что звонила твоя любовница, рассказала, что давно путаетесь! — Голос Лилии выдавал ее взбужденность.

Слова жены прозвучали для Салавата как гром среди ясного неба. И все-таки внезапно затуманенное сознание осветила спасительная мысль-молния: Лилия явно пытается взять его на мушку, придумала ловушку, чтобы он признался в неверности...

— Опять ты за свое?! Ты прекратишь морочить мне голову разной белибердой или нет?! — окриком прер-

вал он жену, вспомнив известное правило: лучшая защита — это нападение.

— Не ори на меня и не пытайся отвертеться! Твоя шлюха все выложила: привет, говорит... — Лилия начала противно так гнусавить, якобы подражая голосу ненавистной соперницы. — А я Зульфия, младшая жена Салавата! Люблю его, и он только мой! Рано или поздно, но будем с ним вместе.

У обомлевшего Салавата отвисла челюсть. Да, Зульфия часто повторяла эти слова, льющиеся из ее уст как волшебная, ласкающая его слух и чарующая его душу музыка. Сомнений не осталось, значит, она действительно звонила Лилии. Но зачем? С какой целью?..

— Чего притих, гуляка хренов, али язык проглотил? Я же говорила, что все равно дознаюсь, кто она. Вот и узнала, путанка все как на духу выложила. Честно говоря, я и сама уже на ее след напала...

Конечно, Салават не был настолько глуп, чтобы не понимать: шила в мешке не утаишь и тайная их связь когда-либо все равно раскроется. Но, представляя это, до холодной дрожи в сердце жалел Лилию. Вот и настал час их, они разоблачены... Но каким образом?! Зульфия сама же их и выдала... Такое Салавату и в голову не приходило. Приснись подобное в дурном сне или предскажи кто, ни за что бы не поверил.

— Что молчишь, язык к нёбу прилип? — злорадствовала Лилия.

— Ты успокойся, никому не верь! Думаю, этот звонок — провокация...

— Какая еще провокация? — В голосе жены почудились нотки надежды.

— наших злопыхателей. Специально подговорили позвонить, чтобы нас рассорить. Ладно, не поддавайся, поговорим, когда вернусь.

Салават возвратился домой с тяжелым сердцем. Предстояло невыносимо трудное объяснение с женой. А на ней от негодования просто лица не было. Слышал он, что попадавшие в такой переплет мужики послабее даже руки на себя накладывали. Салават же решил держаться до последнего. Твердил как попугай: ни с кем не гулял, любовницы нет, тот звонок — происки врагов! Лилия не заставляла их, а не пойман — не вор...

Когда стенания, проклятья и многоэтажная ругань Лилии достигли апогея и оба готовы были лопнуть от злости, Салават достал из холодильника бутылку водки, налил полный стакан, выпил и скомандовал шурину Ильнуру:

— Собирайся, кайнеш, надо ехать в офис!

С тех пор как его шофер взял отпуск (видно, подстав от запретных любовных приключений начальника), Салавата возил отсидевший полтора года в тюрьме шурин.

— Опять поехал к своей потаскушке Зульфии?! Племенной бык ненасытный! Остолоп! Балда! Дуროлом! Лопух! Простофиля! Жеребец! Проститут! Иди-иди, насовсем уходи и не возвращайся! А если вернешься — пусть внесут тебя вперед ногами! Пропавди ты пропадом! Подохни!

Проклятия жены навели на Салавата нехорошие думы: «Сколько же дурных слов пришлось стерпеть от нее за восемнадцать лет! Если б записывал ее оскорбления в тетрадку — давно бы кончилась. Слишком уж невоздержанна на язык Лилия! Такого наговорит, накричит сгоряча — ангелы-фарешта, наверное, давно со страху выпорхнули из нашего дома». Чуть погодя поспешил себя успокоить: «Ничего не поделаешь, видать, такова моя доля. Зато она верная супруга, заботливая мать моих детей. Да и не всегда жили мы плохо, много было и радостных, счастливых дней».

Тут же он переключился мыслями на любовницу: «А какая коварная оказалась Зульфия! Надо же, собственными руками позвонила, сама выложила... И как только язык у нее повернулся?»

По пути на работу притормозил у магазина, где Салават купил водку, закуску. Хотелось хорошенько выпить и стряхнуть с себя тяжесть сложной ситуации. Может, чуток полегчает. Особенно злила его выходка Зульфии — он всю дорогу мысленно крыл ее матом.

Как нарочно, она стояла возле офиса, поджидала. У Салавата в душе поднялась буря: ну, сейчас он выдаст ей по первое число... Увидев Салавата, Зульфия радостно кинулась к нему, хотела обнять, но он оттолкнул ее:

— Уйди! И даже не подходи ко мне!

Достав ключи, открыл дверь офиса и прошел в кабинет. Зульфия зашла вслед за ним и села напротив. На ее лице не читалось тени сомнения, сожаления или чувства вины за содеянное, наоборот, во всем облике сквозило какое-то удовлетворение, упрямство и решимость.

Салават налил и залпом выпил рюмку водки. Закусывать не стал, нервно обмахнув ладонью губы, злобно уставился на Зульфию:

— Ну что, героиня, рада?!

Зульфия ответила довольной улыбкой.

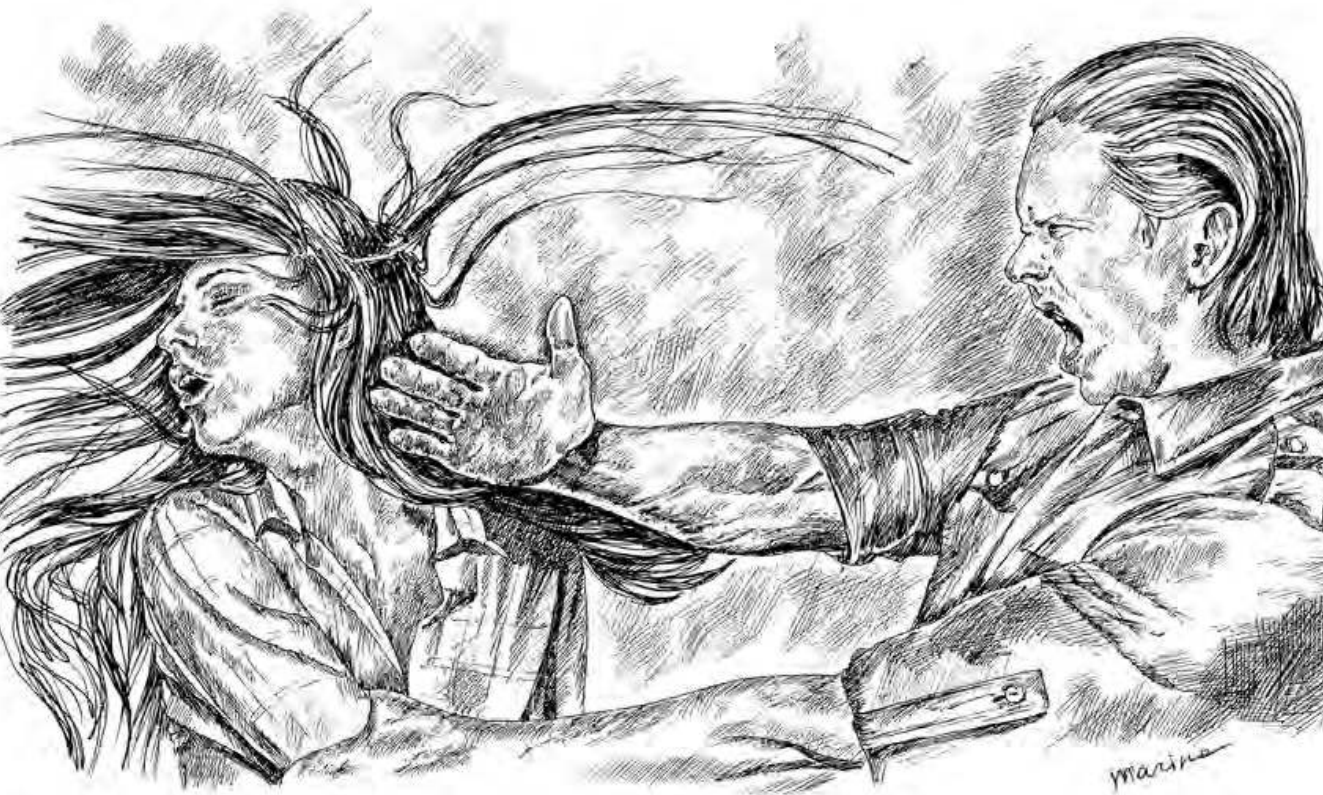
— Ну-у, стерва, доиграешься у меня!

— Не я стерва, а твоя Лилия!

— Не трожь ее! Что она тебе сделала? Тысячу раз говорил — не пытайся разрушить мою семью! Семья — это святое!

— А разве я... не член твоей семьи? Ты сколько раз называл меня своей младшей женой?

— Да, я говорил: возьму тебя второй женой, если согласится Лилия. В этом вопросе нужно ее согласие — так велит шариат!

— Плевала я на согласие этой кикиморы! Пусть твоя старая карга от злости лопнет! Пусть подохнет!

Салават побагровел от гнева:

— Что ты несешь? Ах ты стерва! Если с Лилией что случится, кто моих детей вырастит? Устроила мне такую подлянку и еще вякает сидит!

Он подскочил к ней и дал пощечину. Зульфия закрыла лицо руками и зарыдала. В этот миг она показалась ему такой беззащитной и обиженной маленькой девочкой, что сердце его сжалось от жалости, и он обнял ее:

— Не плачь, моя маленькая...

— Сколько можно прятаться? Пусть все знают: я тебя люблю и никому не отдам! Не хочу и не собираюсь делить тебя с Лилией! Ты должен быть моим! Понимаешь? Только моим!

— А мне вы обе нужны! — угрюмо возразил Салават, но его слова остались без ответа.

Когда вспыхнула, словно огонь, в его сердце любовь к Зульфие и душа, опьяненная вином страсти, вознеслась к небесам, и до самого этого момента, Салават искренне верил: Лилия с Зульфией будут принадлежать ему одновременно. Пусть они пока противятся его воле, но потихоньку Лилия свыкнется с существованием соперницы, перестанет ерепениться, со временем примет ее. Как-нибудь уживутся вместе. Конечно, Салават

устроит так, они будут жить на два дома. Жили же его предки до советской власти с двумя-тремя женами одновременно, и ничего. Бабушка говаривала, даже самые бедные мужчины старались завести вторую жену...

В детстве Салават, раскрыв рот и развесив уши, слушал разговоры пришедших к ним на вечерние посиделки женщин и старух. Одна из былей крепко отпечаталась в памяти.

У молодухи с двумя детьми умер муж, и по прошествии должного, согласно адату, срока аульские мужчины собрались на совет для решения ее судьбы. Старейшина провозгласил: «Асмабика смолоду овдовела. Она не сможет без мужа вести хозяйство и растить детей. Согласно обычаю, кто-нибудь из нашего рода обязан жениться на ней. Почти у всех по две-три жены, только у Ишгали с Ташбулатом по одной. Постановим так: Асмабику возьмет Ишгали или Ташбулат. Кто именно — пусть решают сами».

Асмабике никак нельзя было оставаться без мужа — это грозило верной гибелью для ее детей. В те суровые времена народ кормился тяжелым трудом: пас скот, выращивал хлеб. Без мужских рук семья не могла выжить. О пенсиях, пособиях, рабочих местах люди даже не слыхивали, женщины занимались только домом и детьми. С целью заполучить кормильца Асмабика по-

шла на хитрость. Встретив Ишгали, сказала: «Только ты мне по сердцу! Да вот Ташбулат прохода не дает... Не получит, говорит, тебя Ишгали, сам женюсь... Загляни вечером, поговорим». Повторив те же слова Ташбулату, Асмабика раззадорила обоих мужчин. Вечером Ишгали, предвкушая приятное свидание и довольно хихикая, пошел к Асмабике. Но... вместо жарких объятий молодой вдовушки получил удар увесистой дубинкой по голове. Это Ташбулат, поджидавший соперника за углом дома Асмабики, долбанул его сукмаром, с которым охотился на волков. Ишгали не помер, но остался глухим на всю жизнь.

Женщины, в большинстве своем коротавшие век в одиночестве в основном из-за войн, выпадавших на каждое поколение, послушав поучительную историю, тяжело вздыхали: «Эх, подружки, были же времена, когда баб без мужей не оставляли...»

Вроде бы ветер перемен снова повеял в ту сторону: в некоторых республиках Средней Азии и Кавказа многоженство закрепили законом.

При всем том последние слова Зульфийи вдребезги рушили сладостную мечту Салавата: даже не моргнув глазом, она заявила, что не желает делить его с Лилией. Бесстыжая! Да, советская власть вконец испортила женщин: нынче трудно удержать их в кулаке, тем паче, разжав, заставить плясать на ладошке под твою дудку. Неужто Салавату придется выбирать лишь одну из них?..

Телефонный звонок вырвал его из потока невеселых мыслей. Он сразу понял: конечно же, это Лилия. Аппарат трезвонил без остановки, но Салават не стал брать трубку.

Помирившиеся влюбленные через пару часов обратились ехать на съемную квартиру. Странно, но Ильнура до сих пор не было. Салават ведь велел ему держаться поблизости.

Стоило открыть запертую входную дверь, как внутрь ринулись невесть откуда появившиеся Лилия с двоюродной сестрой Науфилей. Чтобы не пропустить их, Салават раскинул руки, но те шустро прошмыгнули под ними и бросились к Зульфие. Она тоже не промах, успела закрыться в комнате напротив. Однако разъяренная Лилия в два пинка вышибла довольно крепкую дверь и, влетев в комнату, накинулась на соперницу. Салават хотел растащить их, но не успел, кто-то вдруг тяжело повис на нем сзади, крепко сдерживая. Это был Ильнур...

— Ах ты, сволочь! Уже продал меня?! Пусти сейчас же, стукач, убью! — орал Салават благим матом.

Только шурин и не подумал послушаться, а еще сильнее вцепился в него. Будучи под хмельком, Салават не смог сразу вырваться. Ильнур — парень здоровый,

мускулистый. Хвастал, что в тюрьме за еду и курице участвовал в подпольных боях без правил.

Тем временем между Лилией и Зульфией разгорелась настоящая битва. Зрелище было отвратительное: со смачной руганью они царапали, дубасили друг друга, затем с остервенением стали таскать друг друга за волосы. Несмотря на более внушительные формы, Зульфия в какой-то момент начала поддаваться. Похоже, чувство вины уменьшало ее силы... Присутствие Науфилы, раззадоривавшей сестру воинственными возгласами, конечно, тоже шло не на пользу Зульфийи. Салават впервые видел жену в таком состоянии: на красивое ее лицо будто надели страшную маску — глаза бешено блестели, толстые губы и язык беспрестанно извергали проклятия. Несмотря на небольшой рост, она была так злобна и яростна, что могла скрутить соперницу в бараний рог. Видя, как Зульфия начинает выдыхаться, Салават заорал во все горло:

— Зульфия, держись! Бейся!

Нет, не может, уже с трудом держится на ногах... Лилия намного напористее, свирепее, если собьет противницу с ног — затопчет, размажет...

— Зульфия, кому говорю: не поддавайся!

Никак. Все, выбилась из сил. Конец. Лилия завалила ее на пол... Начала безжалостно топтать! Сейчас убьет... Стремясь во что бы то ни стало спасти любовницу, Салават, отчаянно дернувшись, наклонился вперед и, резко откинувшись назад, что есть сил ударил Ильнура головой в подбородок. Шурин поневоле отпустил его. С разворота вплевав шурина кулаком в лицо, Салават кинулся разнимать своих женщин. Выдернул Зульфию из-под ног обезумевшей Лилии и подтолкнул в сторону входа:

— Беги скорее...

Ого-го, да родная женушка, оказывается, хуже зверя: стоило Зульфие побежать к двери — Лилия прыгнула на нее, словно хищная волчица на беззащитную лань, сдернула с головы норковую шапку. Зычно, как последняя уличная торговка, проорала вдогонку:

— Это наша шапка! Шалава!

— Эх, ты! Тряпичная ты душа... — вскинулся на нее Салават.

— Шапку наверняка купил ей ты! Значит, она моя! Законной жены твоей! — будто пролаяла Лилия, тяжело дыша, и подняла шапку над головой. Сейчас она всем видом напоминала победившую в смертельной схватке дикую амазонку.

— Ну-ка, скажи, сколько у тебя шапок?! А с человека последнюю сдираешь, разбойница! — возмущался Салават.

— Пусть ходит без шапки!

— Не выйдет, завтра же куплю новую...

- Если купишь — снова отберу!
- Я тебе отберу, злобная баба!
- А эта девка-разлучница, значит, добрая?!
- Подобрее тебя!

Наступила тишина. Наконец Лилия негромко вымолвила:

- Пойдем домой...
- Иди сама!
- А ты куда, опять к любовнице?
- Нет, и к ней не пойду.
- А где будешь ночевать?
- В офисе.
- Брось, Салават, идем домой, устал, поди... — примирительным тоном заявила Лилия.
- Что, навоевалась, злюка?
- Мужа отдать — как душу свою отдать. С чего я должна уступить тебя какой-то шалаве...

— Она не шалава!
— Не защищай ее, дуралей! Совсем мозги потерял? До сих пор не понимаешь, что эта сука крутит-вертит тобой...

- Сама безмозглая!
- Ну ладно, Салават, не будем спорить, пойдем домой.
- Сказал же, не пойду!
- Пойдем же, я тебе пирог с гусятиной испекла, коньячку хорошего купила. Поешь пирога, выпьешь и ляжешь спать.

Вот чертовка, знает, с какой стороны подлезть... Салават почувствовал, что действительно проголодался. Две-три рюмки коньячку тоже пришлись бы кстати. Да и спать хочется, притомился. Ну и денек выдался...

- Пирог остывает. Знаешь ведь: не годится пищу ждять заставлять, а то обидится...
- Не нужен мне твой пирог, ешь сама! — артачился Салават. — Кормишь с руганью и проклятьями, твои блюда камнем ложатся в желудок. Все, хватит, наелся!
- Покормлю только, не буду ругаться. Слово даю, ну пойдем домой!

После долгих уговоров Салават решил уступить жене. Честно говоря, он не намеренно заставлял ее долго упрашивать себя. Слишком велико было его потрясение. Знал: жена злонаравна. Но не представлял, что до такой степени... Увидев, как она за пару минут потеряла человеческий облик и дралась как фурия, в душе он сильно поостыл к ней. Сердце, казалось, обратилось в камень.

* * *

Жена сдержала слово, не стала упрекать. Молча поели и разошлись. Муж лег отдельно.

Утром Салават проснулся поздно и долго лежал, уставившись в потолок. Горло пересохло, а душа ныла от небывалой печали. Встал с постели, умылся, допил оставшийся с вечера коньяк. Тоска лишь усилилась. Достав из холодильника водку, налил в чашку. Тут на кухню вошла Лилия:

— Все пьешь?

Салават не ответил, разговаривать с опостылевшей женой не хотелось. Перед глазами стояла Зульфия. Беспрестанно думая о ней, он затянул старинную народную песню «Сибай»:

В зеленые сани, дуга с колокольчиком,
Запряги, Фатима моя, гнедую лошадь.
Если бы вернулся жить в свой край,
Добился бы я, Фатима моя, цели...

Эту песню сложил человек, назначенный кантонным начальником в далекую от родной стороны провинцию. Он так кручинился по любимой жене, детям, дому, аулу, что родилась в душе бессмертная песня.

Всем сердцем пел Салават и представлял такую картину: мол, его тоже отправили кантонным в чужие края. Вот он на санях — кошевке, запряженной парой резвых лошадей, звеня колокольчиками, сквозь снега и метели возвращается домой к любимой жене — к Зульфие...

Здесь не земля, где соловьи поют,
Не широки ее долины и луга.
Не плачь же, Фатима моя, не плачь,
Здесь не земля, откуда бегом добежишь...

Перед его мысленным взором, ни на минуту не исчезая, стояла Зульфия. Нет, он не плакал, но из глаз капались слезы. И он все тянул и тянул «Сибай».

Когда это продолжилось и на следующий день, Лилия не выдержала, подошла к мужу:

— Все распевашь да слезы льешь. По Зульфие скучашь?

— Тебя это не касается. Я с тобой жить не буду, злая ты баба, — отозвался Салават.

Наступило тягостное молчание.

— Уйдешь-таки к любовнице?

— Да!

— Чем она лучше меня?

— Во всяком случае, не такая злющая...

Стремительно вскочив со стула, Лилия выбежала из кухни и через минуту влетела обратно, почему-то обутая в сапоги. В этот момент Салават наливал себе водку. Она взяла из буфета чашку и поставила на стол:

— И мне налей!

Он внимательно посмотрел на нее:

— Не выделывайся!

Вырвав из мужниных рук бутылку и налив себе, Лилия чокнулась с ним и нарочито выпренно произнесла:

— Выпьем за любовь!

Когда Салават допил, она повторила вопрос:

— Ты правда собираешься уйти к ней?

Лилия, как заведенная, дрожащими пальцами беспрестанно вертела чашку на столе с противным скрежетом.

— Да.

Снова замолкли. Лилия, недобро смерив его взглядом, опять повторила:

— Так, значит, уйдешь?

— Сказал же, да.

Лилия перестала нервно водить чашкой по столу и резким движением выплеснула водку ему в глаза.

— На тебе, гуляка!

Салават ахнул и от нестерпимой рези в глазах скапался со стула на пол. Лилия с остервенением начала пинать его ногами. Вот, оказывается, для чего она надела остерносые сапоги...

— На тебе, получай! — Лилия старалась попасть ему в пах. — Я тебя к ней подобрю-поздорову не отпущу! Сделаю из тебя непригодного мерина! Вот тебе, вот тебе!

Как бы тщательно ни целилась, Лилия в желаемое место не попала. Когда в глазах немного прояснилось, Салават рывком вскочил с места и ударил ее ладонью по лицу. Получив еще одну оплеуху, жена громко зарыдала.

— Вот ты и открыла свое истинное лицо, стерва! Больше ни минуты с тобой не останусь. Талак! Талак! Талак!¹

Салават даже протрезвел от негодования. Хотел взять ключи от сейфа, но не нашел. Оказалось, жена подсуетилась, успела их спрятать.

— Где ключи от сейфа?!

— Зачем они тебе?

— Деньги заберу!

— На свою содержанку хочешь истратить?

— Какое твое дело? Ключи на стол!

— Зачем тебе деньги?

— А на что я должен жить?

— Пусть любовница тебя кормит!

— Отдай по-хорошему! Эти деньги заработал я!

Салават требовал вернуть ему ключи целых полчаса, пока Лилия наконец не швырнула их ему в лицо:

— На, подавись! Пропади ты пропадом со своей проституткой!

Открыв сейф, Салават взял пачку сто долларовых купюр и быстро оделся. Дернул входную дверь, но Лилия, оказывается, заранее заперла ее изнутри и также спрятала ключи.

— Надеешься меня остановить?

Он со злостью дернул двери лоджии, вышел, с горячностью распахнул раму и выпрыгнул на улицу. Было довольно высоко, хоть и первый этаж. Отряхнувшись, твердыми шагами поспешил прочь от дома. Но тут послышался отчаянный крик:

— Атай²! Постой! — Это был Рустам.

Салават неохотно остановился.

— Что, улым³?

— Атай, прошу тебя, не уходи!

— Рустам, ты же знаешь, что у нас творится...

— Атай, останься! Что я тут буду делать без тебя?

— Улым, ты уже не маленький, скоро восемнадцать. — А что будет с мамой, сестрами, со мной? Мы же пропадем!

— У вас есть мать...

— Что она нам даст? У нас дома ты главный!

— Хотя я и ухожу, но вас не брошу! Буду помогать...

— Отец, не получится так... Прошу тебя, не уходи!

Не дай нам пропасть! Мне в этом году школу заканчивать, куда я поступлю без тебя?

Салават не смог отказать умоляющему сыну, дорогому первенцу — вернулся домой. Пил беспробудно и пел тоскливо до тех пор, пока не почувствовал, что ему совсем худо. Сил не осталось ни капли. Да и настроение — хуже некуда: он ощущал себя распоследним негодяем перед Зульфией, Лилией, детьми и целым миром. Положение свое виделось Салавату беспросветным, а любовный треугольник превратился в безвыходный лабиринт. Что же делать? Как выбраться из этого лабиринта, способного навечно запутать его и лишить абсолютно всего: жены, с которой он прожил восемнадцать лет, дорогих детей, теплого дома, нажитого имущества? Как спастись от девятого вала последней любви, захлестнувшей его в сорок лет, словно цунами, и грозящей разрушить привычный его мирок? В то же время он понимал: после последних событий их жизнь никогда не будет прежней...

* * *

В один из этих черных дней Салават с трудом встал, умылся, снова налил водки.

— Опять пьешь? — задала ставший уже привычным вопрос Лилия.

¹ В исламе — трехкратное объявление развода, произносимое мужем в знак разрыва брачных отношений.

² Атай — отец (башк.).

³ Улым — сын (башк.).

— Что ж мне еще делать?

— Значит, все симптомы совпадают.

— Какие еще симптомы? — Он равнодушно взглянул на жену.

— Привороженный человек резко остывает к жене и как одержимый начинает бегать за любовницей. Усиливается тяга к спиртному. Чувешь, что уже пьешь безо всякой меры?

Салават задумался. Лилия была права, он начал выпивать очень много.

— Да пойми ты наконец: твои выкрутасы — никакая не любовь, а всего лишь действие ворожбы. Сам видишь, все симптомы налицо. Не обманывайся, не дай разрушить нашу семью! Давай сегодня же пойдём к ясновидице Назире, пусть излечит тебя, избавит от действия приворота!

— Никуда я не пойду...

Вроде бы проблески здравого смысла склоняли Салавата к доводам жены. Но что-то заставляло продолжать отнекиваться.

— Умоляю тебя, сходим к ней! Нельзя упускать единственный шанс для сохранения семьи! Если нет на тебе приворота, а любовь, как ты думаешь, настоящая, то ясновидица это увидит. Как сердце велит, так и поступишь. Захочешь — уйдешь к своей Зульфие...

Мечущемуся меж двух огней Салавату эти слова понравились. Надежда на то, что Лилия с Зульфией уживутся, не оправдалась. Значит, рано или поздно придется выбирать одну из них. Правда, сейчас он совсем не желает оставаться с Лилией. То, что она избивала Зульфию, да еще посмела поднять руку, вернее, ногу, обутую в остроносые сапоги, на него, тем более покусалась на самое дорогое для мужчины, ну никак не уместилось в сознании Салавата. Где это видано, чтобы жена... Тсс... Лишь бы люди не узнали о его страшном позоре! В общем, нельзя после всего этого жить с такой... Сама теперь предложила поступать так, как сердце велит. Надо согласиться. Увидит гадалка, что нет никакого приворота, тогда уж не обессудь, прощай, старая и постылая жена!

Хоть и принял Салават решение, но закралась в душу тревога и сложились стихи:

Я тебя предупреждал —
Любовь моя — огневой вал,
Любовь моя — цунами.
Вот идет девятый вал...
Что будет с нами?
Что будет с нами?..

Почему-то пришла в голову мысль: в сохранности ли мольберт, холсты, краски?.. Торопливо вытащил

столь дорогие сердцу принадлежности из кладовки. Любовно и в то же время виновато оглядев их, тщательно протер пыль со своих сокровищ. Затем долго устанавливал мольберт возле окна, закрепил готовый холст, разложил по местам палитру, краски, кисти, мастихины, шпатели. Открыл баночку со скипидаром, и по комнате разлился такой знакомый, приятный для него запах. Приготовив краски, взял в дрожащую от волнения руку кисть и устался на белый холст. Лихорадочно горящие глаза озарили его изможденное лицо. Во взгляде отразились противоречивые чувства: печаль и радость, отчаяние и надежда, покорность судьбе и решимость восстать против всего мира.

Наконец Салават потянулся к холсту. Странно, но сколько ни пытался, он не смог приблизить кисть к мольберту — белый холст не позволил ему прикоснуться к себе...

— Салават, пойдём к Назире! Прошу тебя! — Лилия вынудила мужа очнуться от тяжелых раздумий.

Хоть и поддался он внутренне ее уговорам, но продолжал стоять на своем:

— Нет, никуда не пойду.

Лилия, наморщив лоб, посидела чуток в задумчивости. Затем решительно заговорила:

— Салават, раньше я не рассказывала тебе о моей родовой тайне по материнской линии... Поведаю о горькой судьбе моего деда Кинзягула. Об этом мы помалкиваем, поэтому знает о нем мало людей: мама, Асма-апай, Бибинур-апай и я. Боимся, если наша история получит огласку, она еще разрушительнее подействует на наш род...

В гражданскую войну дед Кинзягул сражался в рядах башкирского войска. Получив известие о болезни отца, попросил командира эскадрона, хорунжия Габдельмулюка, отпустить его на несколько дней домой. Тот был сородичем деда, жителем соседнего аула, поэтому и разрешил ему съездить на побывку. Вдобавок Габдельмулюк через него послал письмо своей жене.

Дед Кинзягул, конечно, вначале доехал до дома, проведаль отца. А спустя несколько дней отправился в аул хорунжия. Заодно собирался привезти оттуда невесту, с которой был помолвлен еще до войны.

Добравшись до места, дед решил сразу исполнить просьбу командира и передать письмо. Вошел в дом Габдельмулюка, увидел молодую жену командира и... остолбенел, никак не мог отвести от нее глаз. Жена хорунжия Гульюзум была неописуемо красива: лицо светилось, как полная луна, брови — черны, как крылья ласточки, глаза — темны, как ночь... Он с первого взгляда влюбился до смерти, потерял голову и не только не забрав, но даже не повидав нареченную, возвратился домой.

С этого дня он уже не помышлял о подвигах и славе, мечтал лишь о красавице Гульюзум, которая неотступно стояла перед его мысленным взором. На войну не поехал, остался дома. А вскоре пришла весть о гибели Габдельмулюка. Через несколько месяцев Кинзягул застал к овдовевшей Гульюзум сватов. Но она отправила их свояси.

Спустя неделю сам поехал к Гульюзум. Но вдова категорически отказалась от его предложения.

Ослепленный страстью, Кинзягул уже ничего и никого не хотел, кроме желанной, твердо решил во что бы то ни стало добиться ее. С этой целью купил у колдуна приворотное зелье и хитростью опоил любимую. И она не смогла больше противостоять его напору, дала согласие.

Молодожены зажили хорошо. Появилась на свет наша мама. Затем, один за другим, родились еще трое детей...

Вот только Гульюзум начала вянуть, как цветок после заморозков. Пошла к мулле и целителю, а хазрат¹ ей заявил с порога: «Муж приворотом заполучил тебя, вот и хворашь. Тяжела твоя болезнь, но если скажешь, могу возвратить колдовство ему обратно». Она ответила: «Возвратишь — муж помрет. Коли я умру, и он скончается — что будет с детьми? Нет, раз так, лучше помирать мне, хворой», — и ушла в слезах домой.

Мама наша рассказывала, как она пришла домой и с плачем высказала мужу: «Всегда удивлялась, как же согласилась выйти за тебя? Я же тебя нисколько не любила! А ты меня, оказывается, приворожил... Из-за твоего колдовства — помру скоро». Дед тоже горько заплакал: «Ну не мог я жить без тебя!» Она, рыдая, упрекала: «Что же ты натворил?.. Кабы не приворот, в жизни бы за тебя не пошла. Не родились бы дети, которые останутся без матери...»

И правда, бабушка Гульюзум, не дожив и до сорока, ушла из жизни, крепко прижав к груди фотокарточку первого мужа, бравого казачьего офицера Габдельмулюка. А дед наш Кинзягул остался с четырьмя детьми мал мала меньше.

Скоро началась Великая Отечественная война. Деда забрали с первым же набором. Понимая, что дети могут остаться круглыми сиротами, он ушел на фронт с тяжелым сердцем. После войны пришла скорбная весть — он попал в плен и умер в концлагере... — Лилия тяжело вздохнула и продолжила: — Наша мать, ей тогда не было и шестнадцати, не отдала сестер и братишку в детдом, вырастила сама. Младшенькая Хадия умерла, остальные выжили. Мама плачет, вспоминая иногда трудные военные годы. Ведь ее братишке Фарукше с восьми лет пришлось косить сено.

Как понимаю сейчас, несправедная женитьба деда Кинзягула на бабушке Гульюзум оказала губительное влияние на весь наш род. Оба они рано умерли, дети осиротели. Воздействие колдовства на этом не завершилось, оно коснулось вороньим крылом судеб их детей, внуков и правнуков.

Взять хотя бы жизнь дяди Фарукши: женился на дочери известной в ауле колдуньи. Однажды она, собрав в охапку свой выводок, сбежала от него. Он всю жизнь промыкался без семьи в Казахстане. Лишь на старости лет вернулся на родину и умер, так и не изведав счастья. Подросшие сыновья его сгорели от пьянства, даже не женившись.

Судьба маминой сестры, тети Асмы, тоже заставляет задуматься: промучившись с буйным мужем сорок лет, развелась, когда стало совсем немого. Ей довелось пережить потерю не только детей, но и внука...

Просторные сосновые дома дяди Фарукши и тети Асмы, где когда-то звенели детские голоса, десятки лет так и стояли пустыми, пока не сгнили и не развалились. Их никто не купил, люди боялись повторить их судьбы.

Как подумаю о родных братьях и сестрах, душа болит: кому из них досталась благополучная доля? Ни одному не повезло с семьей. Сестра Бибинур от нелегкой жизни с мужем-пропойцей не вылезает из болезней. Самая тяжкая участь выпала нашему старшему брату Мурзагулу. Старики говаривали, что он так похож на деда Кинзягула, будто из одной плахи вытесаны. Жена-шлюха через полгода после замужества убежала от него с каким-то мужиком. Он так больше не женился. Ушел в мир иной, измучившись от раковой опухоли и одиночества... Вот так, — завершила рассказ Лилия. — Сколько несчастий обрушилось на наш род из-за приворота деда Кинзягула, скольких людей он лишил семейного счастья! До этих пор я радовалась, что из всей родни мне одной повезло в семейной жизни. Рано радовалась — и до нас добрался отзвук огромного греха деда — напоролись на приворот Зульфийи...

Поведанная женой история роковой любви ее деда Кинзягула не оставила Салавата равнодушным. Он согласился пойти к экстрасенсу Назире.

Надо сказать, история их родов драматична и причудливо пересекается с родословными множества людей на земле и даже с шежере Салавата: прямого ее предка прозвали Кашык², братьев его — Волк и Китаец. Родные братья почему-то разительно отличались друг от друга: если Волк был белолицым и светловолосым, то Кашык — черным, как африканец, а Китаец был узкоглазым и желтолицым. Волк во время гражданской войны сражался за красных, а Китаец — на стороне бе-

¹ Хазрат — религиозный чин в исламе.

² Ложка, небольшая поварешка.

логвардейцев. После поражения белых он увязался за ними в Китай. Когда вернулся на родину, ему дали кличку Китаец. Кашык получил свое прозвище после того, как в ауле организовали колхоз и во время полевых работ начали питаться из общего котла. Оказывается, с целью выловить из жиденькой похлебки что погуще он проделал дырочки на доньшке большой деревянной ложки, которую всегда носил с собой в кармане. Конечно, односельчане быстро узнали о его уловке и прилепили хитрецу соответствующее прозвище. А Волка прозвали так за волчат, которых он принес из лесу, вырастил в каменной клетке, а затем забил и сшил себе тулуп из их шкур.

Жители аула давно позабыли настоящие имена трех братьев. Волк и Китаец, несмотря на близкое родство, люто ненавидели друг друга. Кроме того, что один воевал за красных, а другой — за белых, между ними, как говорят французы, случился «шерше ля фам» — встала женщина. Их отец на нареченной для Волка девушке непонятно почему взял да женил Китайца. Вот и усилилась вражда еще более.

А Кашык в конфликте братьев не участвовал, его волновало собственное горе: сокрушаясь о вынужденно сданной в колхоз хилой лошаденке, он заболел и малость тронулся умом. Однажды, в момент обострения помутнения, повесил он ложку с дырками над окошком, вырубленным в сторону киблы¹, и принялся неистово биться головой об пол перед этой деревяшкой. Долбил башкой до тех пор, пока не свалился в обморок в благоговейном экстазе. Очнувшись, заставил всю семью поклоняться дырявой ложке.

Когда про странное верование семейства узнали люди, председатель сельсовета вызвал Кашыка в канцелярию и учинил допрос: «Ты почему на дырявую ложку молишься, контра?!» И стал нещадно материться. Кашык не растерялся, задал встречный вопрос: «А кому нам теперь поклоняться? Сказали, что Бога нет, и сбросили с мечети минарет. Мы же должны на кого-то молиться?» Начальник долго молчал, почесывая узкий лоб. Затем открыл ящик стола, покрытого кумачовым ситцем, бережно достал оттуда и торжественно вручил Кашыку изображения Ленина и Сталина, строго-настрого наказав: «Смотри у меня, Кашык, коли не перестанете поклоняться дырявой ложке, показывая контрреволюционный пример всему аулу, внесу в список кулаков и сошлю в Сибирь! С нынешнего дня молитесь на отцов народов — Ленина да Сталина!» Однако Кашык, хотя при свете дня, на людях, и бил челом перед портретами вождей, по ночам, как и раньше, поднимал семью и тайком продолжал поклоняться дырявой ложке. Верно говорят, что запретный плод сладок: спустя

время большинство жителей аула стали последовательно-ми Кашыка — тоже начали молиться на дырявую ложку.

Дети, а затем внуки и правнуки Волка и Китайца хоть и имели одинаковую фамилию — Япкареры, также не уживались и цапались меж собой, как кошки с собаками. Трещина, которая пролегла между родней во времена гражданской войны, привела в пятидесятых годах к трагедии. Сын Китайца Ахметгали, возвратившийся с Великой Отечественной войны весь в орденах и медалях, был избит и повешен в сарае сыновьями Волка. Убийцы, заранее договорившись, дружно заявили в милиции: «Мы его не вешали, только побили. Устыдился, что не смог нас одолеть, вот и повесился». И душегубов посадили всего на пару лет.

После сего братоубийства потомки Волка не успокоились: в каждом поколении стали лишать жизни хотя бы одного из отпрысков Китайца. Несмотря на это, род Китайца множится год от года. Каким-то чудом на место одного убиенного рождаются по семеро мальчиков. Число же потомков Волка, напротив, почему-то уменьшается, и на глазах хиреет их род. К тому же в последний десяток лет у них рождаются одни девочки.

Верно подмечено, если кому-нибудь непрерывно твердить: «Ты свинья!», он и сам не заметит, как захрюкает. Похоже, от постоянных возгласов аульчан: «Китайцы! Китайцы! Китайцы идут! Вот придут китайцы...» у потомков Китайца, и в самом деле, сильнее сузились глаза, а лица еще пуще пожелтели. В общем, стали точь-в-точь как китайцы. И общаются меж собой, будто китайцы — грубыми окриками и резкими жестами, словно бранятся. Да и телами обмельчали: мужики чуть больше полутора метров будут, а женщины — еще ниже.

Когда храбрый воин, выбравшийся целым и невредимым из грозного урагана войны, всего в тридцать пять лет был убит близкими родичами, его жена Амина осталась вдовой с полным подолом малых детишек. Самая младшая из них, Салия, — двоюродная сестра Лилии.

Один из осужденных, отсидев за решеткой, дал старшему сыну такой наказ: «Судьи, видать, очень большие люди — что хотят, то и делают: дал мне вместо десяти всего годик... Учись на судью!» Бывший зэк ничего не пожалел, чтобы протолкнуть сына в университет: зарезал единственную комолую корову, трех овец, трех коз — все как на подбор, темной масти, да еще вдобавок трех гусей и трех черных куриц. Этот человек был отцом Ануза Япкарера, близкого родича Лилии. Ануз способностями не блистал и с трудом окончил университет. Несмотря на сей факт, позже занял кресло судьи Верховного суда России...

А девушка, когда-то сосватанная за Волка, но выданная с богатым приданым — многочисленными стадами и

¹ Направление в сторону священной Каабы в г. Мекке.

обширными пахотными угодьями — замуж за Китайца, была, оказывается, дочерью богача Султана, деда бабушки художника Салавата Байгазина — Гульфаризы...

Непримиримой вражде потомков Китайца и Волка через два года исполнится целый век. Они составляют почти весь аул и давно позабыли, знать не знают корни непрекращающейся междоусобицы. Однако и поныне живут в раздоре. Право, и рассказывать неудобно о причинах последних скандалов — просто курам на смех и петухам потеха... Недавно, принарядившись в праздничный день 1 Мая, всем аулом пришли в клуб. А там какая-то собака наложила на крыльцо очага культуры огромную кучу... Люди столпившись, постояли некоторое время в растерянности. Затем одинокий мужик по имени Мидарис из «волчат» поковырял собачий навоз ивовым прутком и с серьезным видом резюмировал: «Сразу видно, это дерьмо наклал кобель по кличке Актырнак, подросток щенка хромой суки Актапей, поводыря слепой колдуньи Бибисары из рода старика Китайца, троюродной тетки Ахмета. Этот Актырнак — настоящий разбойник — весной пытался утащить нашего одноглазого петуха Пирата...» Ахмету, разумеется, не понравился столь глубокомысленный вывод, и он ощерился, точно китаец: «Что, дипломированным знатоком собачьего дерьма заделался? Иди лучше в лес, покопайся в волчьем помете». Слово за слово, окрик за окриком, и китайско-волчья война, тлеющая в ауле на протяжении века, снова разгорелась, словно пламя от порыва ветра. Кровные родственники опять раздрались в пух и прах, крепко отдубасили друг друга, попутно вымазавшись в том злополучном собачьем дерьме...

Для выяснения причин вековой вражды несколько раз собирали большие сходы и малые курултай. Но, так и не докопавшись до истины, каждый раз доходили до большого мордобоя и, понаставив друг другу шишек на лбу и синяков под глазами, повыбивав зубы и пересчитав ребра, расходились ни с чем по домам...

Правда, прошел слух, что сын старика Кашыка — Кашыкбаш, разменявший уже девятый десяток, с подобострастием уставившись на дырявую ложку, оставленную ему как великий аманат¹ и священный предмет культа, поблескивая вытаращенными глазами, шлепая толстыми губами, торжественно поклялся поведать внукам и правнукам Китайца и Волка причину войны между ними. При этом особо подчеркнул, что расскажет об этом 7 ноября 2017 года. Оказывается, именно так ему было завещано отцом, стариком Кашыком.

К сожалению, Кашыкбаш не смог донести до потомков священное слово: неожиданно отошел в мир иной, прижав к груди драгоценное наследство — дырявую ложку. Говорят, предчувствуя скорую кончину, Кашыкбаш начал было что-то строчить на обрывке туалетной бумаги. Однако успев написать лишь: «Вот что поведала дырявая ложка — не сто лет назад, а еще с пещерных времен...», повалился на пол... Таким образом, причины столетней войны двух родов остались нераскрытой тайной, погребенной в глубине веков.

Шушукались по секрету, что старик Кашыкбаш, лишившийся перед кончиной дара речи, тщетно пытался сообщить что-то важное собравшимся у смертного ложа родственникам. Но сколько ни пытался, ничего объяснить не смог, только мычал. Когда сыновья попросили кого-нибудь из них назначить главным хранителем священного тотема, старик сильно разозлился, несколько раз ударил себя дырявой ложкой по лбу, притиснул ее к груди, красноречиво показал потомкам средний палец правой руки и навечно закрыл глаза.

Три дня и три ночи, поломав голову в попытках растолковать, что он намеревался сказать перед смертью, наследники решили провести внеочередной курултай. Но и это мероприятие не помогло раскрыть великую тайну. Как обычно, все переругались, передрались, с тем и разошлись.

Все же после жаркого и скандального курултая дырявая ложка торжественно перешла к старшему сыну покойного Кашыкбаша — Кашыкбаю.

Нынче дырявой деревяшке поклоняются потомки не только Кашыка, но и большая часть отпрысков Китайца и Волка. Продырявленные деревянные ложки висят на почетном месте во многих домах. Разница в одном: если прежде на дырявую ложку молились тайком, то ныне ей поклоняются открыто. Только до сих пор непонятно: если большинство из них боготворят одно и то же — ложку с дырками, то почему же кровные сородичи продолжают в пух и прах ссориться и драться меж собой?

Судья Верховного суда Ануз Япкарров — потомок Волка, а Лилия — из рода старика Кашыка. Несмотря на корни, Ануз человек добрый и великодушный. Он никогда не делит многочисленную драчливую родню на своих «волков», на врагов-«китайцев» и на потомков Кашыка. Всем приходит на выручку в делах судебных и житейских.

Еще на заре юности, спустя полгода после того, как Земфира, незабвенная первая любовь Салавата, внезапно порвала с ним отношения, его кумиром стала знаменитая чернокожая американка Анджела Дэ-

¹ Аманат (араб.) — в данном случае распоряжение, наставление последователям, завещание потомкам, сохраняемое и чтимое ими.

вис. Большое фото ее он повесил на стену комнаты в коммуналке. Под плакатом было написано: «Свободу Анджеле Дэвис!» Глядя на изображение пламенной коммунистки каждый день в течение нескольких лет, стараясь вырвать Земфиру из сердца и слушая песню Angel лидера группы The Beatles Джона Леннона, Салават понял, что вышиб клин клином — полюбил жгучую афроамериканку. Он даже послал Анджеле письмо с объяснением в любви. Хотя и сам белый, вложил в конверт заявление с просьбой принять его в организацию «Черные пантеры», борющуюся за права негров. Но ответа не получил...

Не бывает ничего случайного. Он вернулся из Афганистана, залечил раны, встал на ноги — и все-таки встретил свою Анджелу Дэвис, о которой мечтал столько лет! Девушка, невероятно похожая на его кумира, была студенткой торгово-кулинарного училища Лилией Япкаровой...

Крепко стиснув жаркую ладонь Лилии, Салават с тех пор не отпускал ее от себя. Через несколько месяцев они поженились. Как только начали жить вместе, Лилия содрала со стены плакат с Анджелой Дэвис, выкинула его на помойку, а взамен повесила на то место свою увеличенную фотокарточку. Заодно разорвала на мелкие кусочки фотографии и письма Земфиры...

* * *

Ночью Салавату приснился загадочный сон.

Неописуемо ясный, погожий день. На голубом небе без единого облачка светит ласковое золотое солнце. На ветках деревьев, согнувшихся под тяжестью сочных плодов, щебечут птицы. На изумрудно-зеленом

цветущем лугу пасутся кони, олени, дикие козы и зайцы. Рядышком с ними помахивает хвостом красная лисица, потягивается серый волк, неуклюже продирается сквозь кустарник косолапый медведь. Эти хищники почему-то не кажутся опасными, потому зайцы и козы нисколько их не боятся.

Со стороны неспешно текущей поблизости полноводной реки, сверкающей, словно серебро, веет свежий ветерок. Прекрасные лебеди, плавающие в реке, учат маленьких птенцов нырять. Возле них время от времени плещутся рыбы, отливающие золотом и серебром.

Вот появились полуголые мужчина с женщиной, идущие, взявшись за руки, по утопающей в цветах поляне. Возле яблони, усыпанной маняще спелыми плодами, они остановились...

Салават пригляделся внимательнее. Да ведь этот статный мужчина — он сам! А кто та красавица, что стоит возле него? Лилия или Зульфия?

Вдруг внезапно разверзлась пропасть, и захватывающая дух красота исчезла. Душу Салавата обуяло чувство огромной потери, печали и тоски. Будто он лишился самого дорогого, важного, не сравнимого ни с чем, сокровенного. Салават всем сердцем жаждал, чтобы невыразимо прекрасное зрелище, наполнявшее всю существо его бесконечным счастьем, повторилось вновь. Однако вместо этого невесть откуда послышался голос:

— Разве я буду поклоняться творению Твоему из глины? Видишь, Ты отдал ему предпочтение передо мной, если Ты дашь мне отсрочку до Судного дня, я введу в соблазн и искореню все его потомство, за исключением немногих. Увидим тогда, кто кому будет поклоняться...

Продолжение следует.